УЗНИКИ ЭМОЦИЙ

«АНАЛОГ»

Том 1

БИЛЕТ
ОМЕГА
ТЕНЬ

Кирилл Попов

12+

Кирилл Попов

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ.
Том 1: «АНАЛОГ»

«Автор»

2026

Попов К.

УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Том 1: «АНАЛОГ» / К. Попов — «Автор», 2026

1980–1995Что если чужие чувства можно измерить — и управлять ими?«УЗНИКИ ЭМОЦИЙ» — история о том, как наука об эмоциях обернулась машиной контроля. Ещё без единого компьютера: плёнки, дискеты, бумажные паспорта.«Билет» (1980). Учёные института «Гармония» создают считыватель гормонального фона — и впервые видят биохимию чувств. Но первый же опыт необратимо меняет испытуемого: если эмоции можно измерить, на них можно влиять.«Омега» (1984–1990). Опыты становятся засекреченным госпроектом. Обещано общество без хаоса страстей — вместо этого рождаются «тихие», люди с застывшими сердцами. Трое из них исчезают в ночи.«Тень» (1990–1995). Эмоции объявлены угрозой. Майор Орлов возглавляет Службу Эмоциональной Безопасности: камеры-считыватели, гормональные паспорта, блокираторы чувств. Он верит в порядок — пока среди «стёртых» не оказываются свои.Антиутопия о цене абсолютной безопасности — и об огоньке, который не гаснет, пока хоть кто-то осмеливается чувствовать.

© Попов К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1. «БИЛЕТ» Глава 1. Пролог 5
Глава 2. Волнения 7
Глава 3. Цикады 9
Глава 4. Ректор 11
Глава 5. Молодой деятель 13
Глава 6. Начало 15
Глава 7. Метод Сомова 18
Глава 8. Фёдор 20
Глава 9. «Маяк» 22
Глава 10. Так будет лучше 25
Глава 11. Лаборатория 28
Глава 12. Сёстры 31
Глава 13. Посылка 34
Глава 14. Майор 37
Глава 15. Матрицы 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Кирилл Попов
УЗНИКИ ЭМОЦИЙ. Том 1: «АНАЛОГ»

ЧАСТЬ 1. «БИЛЕТ» Глава 1. Пролог

1951 год

Вы знаете, что такое счастливый билетик? Вообще, откуда появилось это понятие, почему оно закрепилось в нашем сознании?

Давным-давно, ещё при коммунизме, в обществе всегда и все старались говорить правду, и сознательность была «эталоном» правильного гражданина. Тогда, в далёком 1951-м, в общественном транспорте стояли такие небольшие коробочки с рулоном билетиков для права проезда. В середине прозрачной крышки была прорезь для монет — куда просто так клали денежку, медную, конечно, не бумажную, — и она падала на резиновую ленту, которая продвигала эту денежку куда-то внутрь этой железной коробки. Продвигая денежку, одновременно выдвигался билетик — честный обмен с правом проезда.

Каждый в стране знал: оплата проезда — святое. Этого никто не контролировал, а контролировали сами же пассажиры, которые ехали в транспорте — неважно, трамвай, троллейбус или метро. Само слово «не заплатил» было сродни социальному преступлению — это как курящий подросток на остановке. Сами же граждане, ожидающие транспорт, могли отвести его чуть ли не в детскую комнату милиции и найти его родителей!

Да-да, так было, и это правда. Хотя сейчас, уважаемый читатель, вы, возможно, восприняли это как сказку или выдумку. Нет, правда так и было — можете спросить у своих прабабушек и прадедушек! Всем огромного здоровья им и долголетия!

В один из летних дней 1951 года мальчик по имени Ваня поехал по заданию мамы на рынок — всего в пяти остановках от дома. В одной руке он гордо сжимал медный пятак — на проезд, а в другой — ещё несколько монеток. И в охапку нёс бидон для молока. Раньше именно так и покупали — в бидонах.

Обратно на транспорте молоко было не довести: слишком надёжные были рессоры у тогдашних автобусов. Долго служили, но трясли изрядно. Поэтому детишки ходили за молоком на рынок к большой бочке пешком — чтоб не расплескать в автобусе.

Ивану повезло в этот день. Мама сказала: «Доедешь до рынка на автобусе — раньше займёшь очередь, и молоко будет свежее». Ваня гордился тем, что ему выпала такая честь — ехать как взрослый в большом автобусе, да ещё и за деньги, по-настоящему, за целый пятак! Он испытывал настоящую гордость за себя и за то, что едет за молоком, да в придачу и на автобусе, наблюдая, как его друзья и знакомые идут пешком.

Он еле дотянулся до кассы в автобусе, сам положил пятак в прорезь прозрачной крышки, а потом начал проворачивать ручку, чтоб монетка упала в ящик. И сбоку наконец показался его первый самостоятельно купленный билетик! Это было событие.

Один попутчик — пожилой мужчина — хотел помочь ему провернуть ручку, но Ваня резко, но вежливо сказал:

— Спасибо, дедушка, я сам справлюсь, я взрослый уже.

Дедушка решил подыграть:

— Да, точно, прости. Я вижу, ты сам едешь за молоком — молодец.

Иван потянулся и наконец оторвал свой билетик за проезд. Он обнаружил на билетике заветную серию — УЗ-001. Он слышал в школе, в раздевалке после уроков, как мальчишки рассказывали о счастливых билетиках: что иногда там одинаковые цифры. «Мне папа тогда принёс — там было 007», — говорил один. А другой отвечал: «А мне принёс — там было 019».

Они спорили, но Ваня запомнил одно: если две цифры повторяются, билетик счастливый. И, странно звучит, но его надо обязательно разжевать и съесть, а перед этим загадать желание!

Ваня подумал и сказал: «Вот моё желание: всегда буду ездить на автобусе за молоком, чтоб успеть раньше всех!» Его прямо засветило изнутри от счастья. Он с радостью прожевал и проглотил билетик.

На третьей остановке в автобус вошёл контролёр:

— Уважаемые пассажиры, предъявите билеты на проверку.

Ваня понял, что билета у него нет и будут проблемы. Но ещё тогда, в шесть лет, он был как-то особенно смышлён. Седовласый мужчина всё это видел — как Ваня загадал желание и съел своё право проезда в буквальном смысле. Он обратился к кондуктору:

— Я заплачу за мальца.

Но Ваня снова одёрнул его:

— Не надо, я сам.

Он моментально опустил пятак из другой руки — часть денег, которые предназначались на молоко, — и быстро получил от железного ящика новый билет. Он показал контролеру:

— Вот мой билет.

На следующей остановке он вышел. Почти напротив остановки, на входе рынка, стояла большая бочка с молоком. Около неё сидела продавщица, похожая сама на молоко: в белом, как снег, халате и такой же шапочке. Ваня подошёл и сказал:

— У меня только на полбидона.

Продавщица молча налила ему литр молока, забрала его мелочь, которая упала в её бездонный фартук — как и те пятаки в железный ящик кассы автобуса.

Ваня шёл домой чернее ночи. Он понимал: была гордость и уважение к самому себе в начале его пути, потом — счастье и безмерная радость, что ему, впервые в жизни едущему на автобусе, сразу попался счастливый билетик. А теперь — безмерный стыд, досада и грусть: домой маме он принесёт только полбидона молока.

Он шёл медленно, но понял: мама затем и послала его на автобусе, чтоб было быстрее, — и ускорил шаг.

Мама встречала его дома:

— Сынок, всё хорошо?

— Нет, — ответил Иван, — не хорошо.

Потом он рассказал почти со слезами на глазах про всё, что приключилось с ним за это утро.

— Сынок, — сказала мама, — знаешь, главное, что ты цел и невредим, а молоко… Пусть полбидона, зато оно свежее-пресвежее.

Иван снова обрадовался. На этот раз настроение у него было хорошее весь день! Но эти утренние качели настроения не давали ему покоя перед сном. Он никак не мог понять: почему вроде бы простые, обычные события, возникшие из ниоткуда фактически, — почему они несут в себе эти непонятные перепады настроения?

Пришла мама, поцеловала его перед сном, и он уснул.

29 лет спустя...

Молодой доцент кафедры психологии Иван Сергеевич проснулся, как и всегда, ровно в 6:00, и начал утро с зарядки. Он вспомнил сон, который напомнил ему его далёкое детство. И ещё он ощутил чувство странной незаконченности: что тогда, почти 29 лет назад, он, как и сейчас, задаёт себе тот же вопрос — что важнее? Чувства, которые мы ощущаем внутри, или эмоции, которые выражаем снаружи, — что главнее?

Глава 2. Волнения

1980 год был знаменательным. Вся страна готовилась к Олимпиаде. Все министерства и ведомства, включая правительство, прекрасно понимали масштаб события.

Иван Сергеевич в который раз смотрел новости и понимал: в этот раз местом проведения спортивных состязаний мирового масштаба была выбрана страна, в которой он живёт.

Всеобщая изолированность от «запрещённых» в то время веяний современной моды, зарубежных продуктов питания, жёлтой иностранной прессы несла в массы спокойствие и размеренный жизненный уклад. Резкий «вброс» инфоповодов такого размаха плодил предвкушающие настроения — заглянуть «за ширму» Запада и вкусить многое из того, что до этого было недоступным простому гражданину.

В институте давно шли разговоры о разрастающейся эйфории предвкушения данного события. И все слои общества понимали это «по-своему». Официально вся страна готовилась к Олимпиаде. Но были и те, кто давно променял радости простого обывателя на заморские шмотки и дефицитные товары из-за рубежа.

Предвкушение того, что скоро с Запада хлынет поток импортного разнообразия вместе с многочисленными спортивными делегациями, будоражило воображение не только простых граждан, но и «непростых». То тут, то там в стране возникали «вспышки» предвкушения и эйфории. И, как следствие, психика многих людей не выдерживала, и они зацикливались на «западной» теме.

На прошлой неделе состоялось внеочередное совещание аналитиков Центра изучения психологической обстановки в стране, на которое был приглашён Иван Сергеевич и большая часть его руководителей.

Была поставлена предельно простая, на первый взгляд, задача: определиться с методами работы с психически нестабильными гражданами, определить качественное воздействие медикаментозного и психиатрического лечения. А главное — скорректировать изучение сроков накопительного эффекта препаратов.

Молодой доцент держал в руках исписанный листок, вырванный из блокнота, и детально изучал самолично написанный протокол собрания.

«Если они не знают, когда закончить терапию, и всем нужно знать уровень, базовое состояние пациента, при котором в медицинской карте можно с уверенностью поставить штамп „здоров“, обычными беседами, тестовым тестированием и карточками Роршаха однозначно не обойтись», — подумал он и затем повторил вслух:

— Пациент может притвориться, в конце концов!

Он встал, подошёл к стеклянному шкафу с большим количеством медицинской и научной литературы, стоявшему у него за спиной. Открыв стеклянную дверь, он обратил внимание на одну из изрядно потрёпанных книг: Ганс Бергер «Об электроэнцефалограмме человека» (1929 год).

Он открыл книгу, затем медленно начал перелистывать уже знакомые страницы.

«Да, альфа-ритм, всё верно. Но каким образом можно определить с помощью аппарата ЭЭГ то, что мне нужно?» — задумавшись уже в который раз за день, Иван Сергеевич посмотрел на часы, затем на окно. Был полдень — пора обеда.

В прошлом обед был ритуалом не только для научной элиты. В стране старались соблюдать такие, никому не понятные традиции, как «среда — рыбный день», «первое, второе и… компот» — обязательно из сухофруктов. Ну и, конечно, пришедшее из детсадов и надёжно закрепившееся в головах населения понятие «полдника»: это третий лёгкий приём пищи в конце рабочего дня, состоящий из чая, бутерброда и яблока, как правило, взятого работником с собой из дома.

Обычаев, истоков которых никто уже не помнил и над которыми не задумывался, было множество. Жизненная политика того времени была устроена просто: на всё был один ответ — «Так принято и заведено». А кем принято, когда и как — не спрашивать, не обсуждать: «Было не принято». Вот такой замкнутый круг.

Мысли о предстоящем обеде и лёгкое чувство голода немного отвлекли внимание Ивана Сергеевича от научных размышлений, и он спустился в столовую.

Взяв поднос, встав в очередь за раздатком, он рассматривал одинаковые тарелки с одинаковым супом, одинаковым пюре с гуляшом и одинаковым капустно-морковным салатом. В конце раздатка он взял словно клонированный сотни раз стакан с компотом и пару кусочков чёрного хлеба. Положив горстку мелочи кассиру, он невольно подумал: «Зато здесь полная стабильность, предсказуемость и однообразное спокойствие».

Обедая, он обнаружил, что большинство сидящих за столами одеты на удивление однообразно. В магазинах продавалась одна и та же одежда с главной фабрики страны, у многих на руках были похожие часы.

Снова посмотрев на циферблат, он поймал себя на мысли: «А почему я не замечал этого всего раньше?»

В свои 35 лет, имея уже несколько научных трудов на тему «Психология поведения человека, зависящая от внешних факторов», Иван Сергеевич не заметил, что, описывая внешние воздействия окружающих факторов на психику других людей, он не замечал внешних факторов, которые выделялись бы на фоне всего того, что окружало именно его самого.

Ответ на его раздумья родился так же, как и остальные мысли, — спонтанно.

«Так нет же никаких ярко выраженных факторов, всё слилось», — подумал он.

Часы сливались в дни, дни — в недели, недели — в месяцы. Окружающее его однообразие поражало стабильностью и со стороны воспринималось как окружающий фон, фон самой жизни, который не менялся.

Глава 3. Цикады

Выходной.

Он не выходил из дома целый день. Тридцать пять лет были неким жизненным рубежом. Посвятив всю свою сознательную жизнь науке, дожив до сегодняшнего дня, Иван Сергеевич так и не обзавёлся семьёй. Его вторым домом был институт, в стенах которого он остался после учёбы. Пройденный путь от аспиранта до доцента кафедры психологии занял дольше положенного времени.

«Нужных» связей в учёных кругах на заре своей учёной деятельности у него не было. Теперешнее звание доцента было пределом его карьерных возможностей. Давно смирившись со своим статусом, он считал однокомнатную квартиру — награду за выдающиеся научные труды и педагогическую работу — максимальным апогеем своих личных достижений. Что-то глобально изменить или привнести в свою жизнь он не мог, а может, и не хотел.

К вечеру, ощутив излишнюю сонливость от бесценно прожитого дня, он подошёл к зеркалу, установленному на массивном трюмо, доставшемся от родителей. Это трюмо он привёз из другого города по настоянию матери. Каждый раз, смотрясь в зеркало, он вспоминал, что родители тоже смотрели в него. Когда он долго смотрел в своё отражение, невольно вспоминал отца — и, казалось, видел его.

На этот раз он рассматривал своё безэмоциональное лицо и пытался сам себе изобразить странные гримасы: открывал рот, морщился, хмурился, поворачивал в сторону голову. Со стороны это смотрелось совершенно нелепо.

На улице начало смеркаться, но фонари ещё не включились. Он продолжал гримасничать перед зеркалом, словно маленький ребёнок. Неожиданно для него самого на кухне засвистел закипевший чайник. Сомов поморщился от неприятного свиста и неспешно пошёл на кухню.

Выключив чайник, он избавился от режущего уши звука. Иван Сергеевич почувствовал лёгкое облегчение: снова воцарилась благодатная тишина выходного дня, нарушаемая лишь тихими трелями стрижей, вездесуще снующих вокруг массивных берёз напротив открытой двери на балкон в комнате.

Машинально взгляд упал на одну из ладоней — она была вспотевшей.

— Из-за чего я нервничал? — сам себя спросил он. — Неужели из-за этого резкого свиста?

Насыпав в чашку щепотку мяты и чая и заварив кипятком, он вернул чайник обратно на плиту. Удобно сев в кресло-качалку из плетёной лозы, Сомов с довольным лицом выдохнул и глотнул ароматной жидкости из кружки. По телу пробежала приятная расслабляющая волна, и на душе стало спокойно и комфортно.

— Так что же происходит? — вслух произнёс он.

Кресло непроизвольно начало раскачиваться.

— Я что, снова нервничаю? — Заметив непроизвольные раскачивания, он резко поставил ногу на пол — движение взад-вперёд остановилось.

— Всё смешивается… Почему всё смешивается? — Иван Сергеевич буквально завалил себя вопросами. И бесконечно спокойный вечер плавно трансформировался в анализ алгоритма восприятия обыденных вещей и реакций его самого на происходящее вокруг.

— Мы не замечаем обыденности, мы не отдаём отчёта… Мозг не отдаёт отчёта, мозг не замечает… Или… — Он наконец замолчал.

За окном солнце окончательно скрылось, звуки с балкона сменились вечерними звонами цикад.

— Откуда они в средней полосе? Или это из-за такой сильной жары? — Вставать с кресла не хотелось.

Посмотрев на остатки уже совсем крепкого чая с мятой, он всё же сделал очередной глоток. На этот раз довольно прохладный напиток подействовал на него иначе: в голове появилась ясность, а свежесть уличной прохлады после захода солнца добавила ясности мыслям. Ни о каком сне не могло идти и речи.

Посмотрев на часы, медленно тикающие в такт движению секундной стрелки, Иван Сергеевич всё-таки встал с удобного кресла и вернулся в комнату, машинально выйдя на балкон. На ещё чуть освещаемом закатом небе появились первые звёзды, в домах напротив почти синхронно зажигался свет в окнах.

«И засыпает, и просыпается», — подумал Иван Сергеевич.

Он пытался специально отвлечь свой пытливый ум от научных размышлений в этот прекрасный выходной. Но мысли уложить всё в единый алгоритм не уходили, а, наоборот, обрастали информацией, которую он раньше не замечал и не придавал ей значения.

Взявшись за поручень балкона обеими руками, он посмотрел вниз с пятого этажа — и в ноги ударила знакомая дрожь от ощущения высоты.

— Так… Достаточно. — Развернувшись и шагнув в комнату, он прилёг на диван и закрыл глаза.

— Внешние воздействия… Они действуют на нас, на наш мозг. Та волна от горячего чая, та дрожь от высоты… Что это? Что это такое? Почему мы ощущаем этот «голос», эти воздействия изнутри, а потом совершаем действия, желая продлить это или, наоборот, остановить?

В этот момент он зажёг спичку, посмотрел на пламя, медленно поднёс к ладони и резко убрал руку.

— Даже если я не захочу, мозг всё равно даст команду, тело её выполнит.

— Хорошо, это рефлексы… Не буду же скатываться в своих рассуждениях до собаки Павлова. Меня интересуют долгие, планомерные воздействующие факторы, их эмоциональный отклик, отклик мозга… Нервные импульсы?

— Нет, это в моменте… Тогда что? От чего остаётся шлейф?

Он резко открыл глаза.

— Гормоны! — произнёс он. — Значит, виною всему гормоны, которые быстро не выходят из организма. Если рефлекс — это нервный импульс, то гормоны — это шлейф, это ключ…

Одновременно с этими словами он почувствовал глубокое облегчение и удовлетворённость своими собственными выводами. Звон цикад стал стихать, и он погрузился в сон.

Глава 4. Ректор

Утро выдалось на удивление бодрым. Иван Сергеевич крепко сжимал свой повседневный портфель и с чувством особой ответственности вкладывал в каждый свой шаг максимум энергии. Казалось, что он пытается утрамбовать под собой асфальт на тротуаре — с таким аккуратным и выверенным, каждым очередным перекатыванием пятки на носок он старательно, метр за метром, приближался к входным дверям своей работы, к своему научному «второму» дому.

В какой-то миг ему казалось, что его ноги не успевают за его мозгом и телом. Он не просто торопился — он сгорал от нетерпения сообщить то, что лишило его утренних ритуалов и завтрака. Он видел перед собой единственную цель — сообщить срочную информацию самому ректору института психологии. По крайней мере, ему так очень правдоподобно казалось. На самом деле могло случиться, что его умозаключения окажутся не принятыми руководством, и жизнь вернётся в обыденное русло. Но на данный момент в его сознании не было и тени сомнения, что его идея «гениальна».

Иван Сергеевич никого не замечал. Зайдя в холл института, он слышал, как с ним здоровались, но, увидев его стеклянный взгляд, направленный куда-то вперёд, люди оборачивались и, перешёптываясь, некоторое время смотрели ему вслед.

Наконец он оказался у приёмной ректора. Постучав, открыл дверь. Увидев Сомова, секретарша сообщила, что ректор занят и ещё «некоторое» время придётся подождать.

— Сколько? — резко бросил Сомов, не здороваясь.

— Ну, знаете… Иван Сергеевич, — продолжила секретарша, — мало того что вы не здороваетесь, вы ещё и требуете от меня отчёт о регламенте рабочего времени моего руководителя.

— Понятно, — кратко буркнул Сомов в ответ, взял двумя руками портфель и сел рядом с кабинетом.

Время шло предательски медленно. Постоянные взгляды на часы не помогали. Иван Сергеевич даже постучал пальцем по циферблату — ему показалось, что минутная стрелка вообще остановилась.

Наконец он понемногу успокоился. Сознание начало замечать потёртость паркета, чуть увядшие листья монстеры, отсутствие преподавателей и студентов в коридоре — шла вторая пара лекций. До этого два часа ожидания были настолько сосредоточенными и долгими, что он не заметил звонков между парами.

Неожиданно открылась дверь, и в коридор вышел сам ректор — высокий седовласый мужчина в белой рубашке, жилетке и с аккуратными нарукавниками — обязательным атрибутом его каждодневного наряда.

— Иван Сергеевич? — удивлённо посмотрел он на взъерошенного Сомова. — Что вы тут делаете? А как же ваши лекции? Что случилось?

Сомов поднял голову, немного растерявшись от сказанного, медленно поднялся, не сводя взгляда с ректора, и, практически не моргая, вымолвил, запинаясь:

— В… пятницу… На собрании… Вы говорили о волнениях… о том, что нужно узнать, где… где грань…

Он замолчал. Сильное волнение сыграло с ним злую шутку.

— Так. Иван, успокойтесь для начала, — ректор похлопал его по плечу и, спрятав курительную трубку обратно в карман жилетки, жестом пригласил в кабинет. — Пойдёмте, пойдёмте, у меня есть немного времени.

Он посмотрел на секретаршу:

— 15 минут никого не пускать ко мне.

С этими словами он зашёл в свой кабинет вместе с Сомовым.

Зайдя в кабинет, ректор взял графин с водой и стакан, стоявшие на подносе на переговорном столе, налил Ивану Сергеевичу и, усаживая его на стул, сказал:

— И положите, наконец, свой портфель.

Он посмотрел на Сомова, затем на его порядком смятый временем портфель. Ректор сел за свой стол:

— Теперь я вас слушаю, Иван Сергеевич, внимательно.

Немного успокоившись, Сомов выпил всю воду в стакане, поставил стакан на поднос и начал:

— Я… я знаю, как узнать, когда препараты подействовали на эмоционально нестабильных, и как определить, что пациент «здоров», точнее, «не опасен» для общества.

Ректор понимал, что сейчас Сомов начнёт очень долгий монолог, и решил проявить сноровку руководителя: ещё раз смягчить беседу, одновременно дав ему «зелёный свет» и параллельно давая понять, что ему сейчас ох как не до фантазий Ивана Сергеевича.

— Давайте поступим так… — Он достал листок бумаги и протянул Сомову. — Пишите, пишите заявку на моё имя: что вам необходимо для исследований.

Иван Сергеевич схватил листок, достал ручку и быстро начал писать: «Помещение не менее 50 м^2, аппарат ЭЭГ, графопостроитель, медицинское кресло». Затем быстро передал всё это ректору.

Посмотрев на написанное, ректор на секунду задумался, но всё же подписал, понимая, что это очередная несостоявшаяся идея новоиспечённого деятеля науки. Но опыт и мудрость не позволяли лишать шанса молодых сотрудников проявить себя.

— Зарегистрируйте это у моего секретаря и можете уже сегодня обратиться в службу снабжения института. Но смею вас заверить, всё то, что вы описали, есть в подшефной нашему заведению клинике, где проходят практику наши студенты. Я бы посоветовал сначала обратиться к нашему лаборанту, Александру Петровичу Волкову, который проводит занятия в клинике. И передайте — это моё распоряжение.

Сомов быстро встал, взял портфель:

— Спасибо, товарищ ректор, спасибо вам огромное! Я… я не подведу!

С этими словами он быстро вышел из кабинета, даже не закрыв за собой дверь.

— В его годы мы были более смиренными, — философски подметил ректор и погрузился в ежедневные преподавательские отчёты.

Глава 5. Молодой деятель

Белый забор, каких было множество в стране, — высокий, напоминающий стену белокаменного кремля. Сомов шёл вдоль него уже почти 15 минут. Справа росли могучие тополя, а слева высился бескрайний четырёхметровый белый монолит.

Да, именно сюда привозили тех, кого общество сочло «лишними», «не такими, как все». Центральная больница психиатрической помощи населению не славилась чем-то негативным. Наоборот, большая часть общества относилась к «жителям» заведения с долей сострадания. «Им тяжело договориться с самими собой, не говоря уже об окружающих», — так считали многие. И порою сами привозили в это место, где «лечат душу», своих родных, друзей и близких.

Формально курс лечения или реабилитации — тут уж каждый трактовал терапию по-своему — проходил строго определённое количество дней. Но после возникал вопрос: вылечился ли «пациент» или он стал «таким, как все»? Именно этим вопросом был сейчас занят мозг Ивана Сергеевича.

Путь вдоль стены казался для него само собой разумеющимся, и нескончаемая белая полоса продолжала то увеличиваться, то уменьшаться с каждым его шагом. Поток мыслей неожиданно остановился — так же, как и возникшие перед Сомовым ворота и КПП.

Без лишних разговоров, молчаливо он предъявил пропуск работника института психологии охраннику на КПП. Тот молчаливо кивнул в унисон.

Внутренний двор был на удивление просторным и приветливым: округлые клумбы с разноцветными цветами напоминали пейзаж южного курорта. «Жители» в нейтральных серых костюмах контрастировали с разноцветным пейзажем намного меньше, чем работники, которые были одеты в белые халаты.

Навстречу, оживлённо беседуя, шла горстка студентов первого или второго курса — очевидно, с практических занятий. Громкие фразы и жестикуляция будущих деятелей элиты психологии свидетельствовали о массе интересного, что они узнали здесь.

Чуть позади шёл молодой человек в белой рубашке и чёрных брюках — таких же, как у Ивана Сергеевича. «Волков, — подумал Сомов. — Тот самый лаборант, о котором говорил ректор».

Когда студенты практически все вышли через КПП, Волков, поравнявшись с Сомовым, широко улыбнулся и повернулся в сторону Ивана Сергеевича:

— Товарищ Сомов, это вы? Мне позвонили с деканата.

Он замолчал, всем видом показывая, что задал вопрос, недвусмысленно и смешно моргая.

— А, вы, значит, Александр Волков? Очень приятно познакомиться. И знаете, странно, что я вас не встречал в стенах института ранее.

Волков замешкался. Он всегда стеснялся того, что, закончив лишь медицинское училище, не стал продолжать обучение в институте по личным обстоятельствам. Так он говорил всем. Но на самом деле всё было куда прозаичнее: он, как и Сомов, не мечтал о карьере — его вполне устраивала настоящая жизнь. Встречать студентов каждый день, показывать им различные генезы заболеваний в клинике и рассказывать о результатах ЭЭГ. Работа не пыльная, и в свои 25 лет Саша знал, что неплохо устроился.

— Я… я недавно здесь… Перевёлся… из другого города.

Сомов, знавший об истинной цели посещения этого заведения, продолжать стоять и общаться с молодым лаборантом у цветочной клумбы явно не собирался.

— Саша, вы позволите, если я буду вас так называть?

— Да, конечно, Иван Сергеевич, — поспешно ответил Волков.

— В таком случае считайте меня на сегодня своим студентом! — как-то восторженно сказал Сомов. — Мне нужно посмотреть результаты ЭЭГ пациентов, желательно различного генеза, но прибывших приблизительно в одно и то же время.

Волков очень хотел пообщаться на нерабочие темы с целым доцентом кафедры психологии, но молодому деятелю ничего не оставалось, как ответить:

— Конечно, конечно, пойдёмте. Тем более меня уже предупредили.

С этими словами он быстро зашагал вдоль цветочной аллеи к зданию с белыми колоннами. С цветом колонн сливались халаты работников, выводивших некоторых пациентов на прогулку. Забавное зрелище: издалека видно, как из входных дверей выходит пациент, спускается по лестнице к аллее один, а потом, словно из ниоткуда, появляются два работника в белых халатах.

Сомов, засмотревшись на эту сцену, невольно выругался себе под нос:

— Чёрт знает что…

— Что, что? — переспросил Александр.

— Нет, нет, ничего. Странно у вас тут всё.

Сомов оглянулся вокруг. Из всех присутствующих рядом с центральным высоким зданием, на большой круглой асфальтированной площадке, все молчаливо лишь переглядывались. Беседу вели только он и молодой лаборант.

Сомов почувствовал лёгкий дискомфорт, увидев вышку с наблюдателем меж деревьев, у которого в руках был бинокль.

— Ах, это, — невозмутимо ответил Волков. — Некоторые сбегают. Этого здесь не любят.

Иван Сергеевич ощутил присутствие понятия «режим», невольно вспомнив своё послевоенное детство.

— Вы помните, когда наш соотечественник первым полетел в космос? — Иван Сергеевич решил поговорить на отвлечённые темы, а заодно понять, сколько же Александру лет.

— Да, помню, товарищ Сомов. А ещё в садик ходил.

«Значит, ему чуть меньше тридцати лет, — подумал Сомов. — Ну, неплохо: общительный, исполнительный, трудолюбивый. Мне нужен ассистент».

«Это я не изложил в своей заявке, которую подписывал у ректора», — пронеслось в голове у Волкова.

Нужный человек стоял здесь, перед ним. Иван Сергеевич твёрдо решил: Волков — именно тот, кто ему нужен. Теперь его мозг был занят другим: как убедить ректора временно откомандировать лаборанта без высшего образования в институт на должность помощника доцента кафедры психологии.

Глава 6. Начало

Не взглядом будничным, не взором утомлённым,
А духом трезвым, сердцем просветлённым:
Лишь так откроется сокрытая черта —
Что жизнь таит, не говоря ни слова никогда.
Марк Аврелий

«Интересный у вас листочек в рамке», — Иван Сергеевич зашёл в кабинет Саши.

Ничего, кроме стола со стулом, небольшого стеклянного шкафа и кресла, не было в помещении. Всё вокруг, включая кафель не только на полу, но и на стенах, походило на «перевязочную».

Зайдя первым в свой «кабинет», Волков открыл окно и, будто по привычке, немного выпятился всем телом через подоконник, оглядывая прогулочный двор.

«Машинальный жест, — подумал Сомов, — он любознательный».

Иван Сергеевич продолжал смотреть на единственный «портрет» с цитатой Аврелия.

— Ах, это, — стеснительно ответил Волков. — Это от прежнего хозяина кабинета.

— Элита, вышедшая на пенсию.

— Мой предшественник был революционером не только в прошлом в прямом смысле, но и в своих методах влияния на больных… Ой, простите, на пациентов.

— Он искал ответы в цитатах древних философов.

После сказанного Александром Иван Сергеевич задумался:

— Как много в этих строках… Определённо, предшественник Волкова был «ценным экспонатом» в мире науки. Саша, я не хочу показаться настойчивым, но вы знаете, зачем я здесь?

Он вопросительно посмотрел на лаборанта, в руках которого неожиданно возник чайник и кружка.

— Чаю?

Сомов без слов подошёл к Волкову, взял у него из рук чайник, поставил кружку на стол, посмотрел на банку кофе, принесённую в портфеле и залил кипятком чашку с сухими листьями чая, насыпанных Александром.

— Это крайний раз. Никакого чая. Теперь мы пьём кофе. Саша, пока ваш чудесный напиток не остыл, могу я попросить принести то, о чем я спрашивал - свежие электроэнцефалограммы поступивших сегодня? Вы наверняка знакомили с ними сегодняшних студентов?

— Да, разумеется, Иван Сергеевич, — ответил Волков.

Он всё понимал с полуслова, но незаметно для себя его речь и действия словно выходили из-под собственного контроля: он неосознанно тянул время. Возможно, Сомову это показалось.

— Не забудьте медицинские карты с анамнезом, — чуть повысив голос для собственной уверенности, чтобы выходящий из кабинета Волков точно услышал обо всех вещах, необходимых Сомову, добавил Иван Сергеевич.

Когда Иван Сергеевич остался один, он тоже машинально подошёл к окну и немного подался вперёд, выглядывая во двор. Он увидел строго напротив их окна одиноко стоящего старца с белой, как снег, бородой, одетого в серый костюм «жителей» клиники. Тот стоял и смотрел прямо в глаза Сомову.

— Марк Аврелий, — произнёс старец так, чтобы Сомов точно услышал.

— Что, простите? — непривычно нагнулся из окна Сомов ещё дальше.

— «Не бойся повторять заветы прежних лет, пусть обратились в прах они давно. Их мудрость возраста не знает — она жива, ей быть дано».

С этими словами старец быстро повернулся и удалился в заросли ближайшей аллеи, словно его здесь и не было.

Сомов обернулся и увидел Сашу с большой стопкой папок.

— Кто это? — показал на окно Сомов. — Какой-то старец читал мне цитаты прямо снизу. Он стоял тут, напротив окна.

Неожиданно папки выскользнули из рук Волкова. Он неспешно наклонился и начал собирать документы, аккуратно складывая их на стол. Через пару минут он закончил:

— Игорь Викторович был очень хорошим человеком. Он много кому помогал тут. Почти всем, включая меня. Его не стало… Уже год как прошёл.

— Но кого я видел, с кем разговаривал?

— Я не знаю… — как-то отстранённо замешкался Волков, опуская глаза. — Вот, я принёс всё, что вы просили.

— Вы позволите? — Саша указал на банку с ароматными молотыми зёрнами. — Давно такого не пил.

— Да, пожалуйста, — ответил Сомов.

Он уже сидел за столом лаборанта и с ходу начал рассматривать бумаги. Саша ничего не сказал и не посчитал наглостью факт занятого рабочего места: «Всё-таки он доцент». Он спокойно налил себе кофе, сел в кресло и закрыл глаза. Он понимал, что принесённые им документы поглотили сознание Сомова.

«На первый взгляд всё вроде бы нормально, но что-то есть похожее в этих графиках. Разные участки мозга показывают разные значения, разные колебания. Диаграммы, на первый взгляд, у всех разные. Но почему они странным образом повторяются на диаграммах, которые принадлежат разным людям? Почему это происходит? Из-за чего?» — Иван Сергеевич сидел и тихо всматривался в эти графики.

В какой-то момент линии начали соединяться: они накладывались друг на друга, и очертания принимали одинаковую форму. Он взял в руки три листка, положил рядом с собой и красным карандашом обвёл повторяющиеся линии.

«Это не странно, это поразительно! У разных людей графики, показывающие изменения возмущения коры головного мозга, странным образом повторяются — в буквальном смысле этого слова! Что же это значит? Почему это происходит? Неужели эти абсолютно разные люди, которые, к несчастью, попали сюда по схожим причинам…» — он сделал паузу. — «Между этими причинами и их попаданием сюда, выходит, есть прямая связь! Они идентичны, абсолютно идентичны!»

«Получается, что их нестабильность эмоционального состояния одинаковым образом отражается на диаграммах».

«Значения практически идентичны».

«Выходит, что это — следствие изменяющегося гормонального фона!»

«Мозг реагирует на гормоны и порождает внутренние эмоции, которые затем читаются на их лице, в их жестах, их интонации!»

«Эти изменения… Нет, точнее, эти колебания, которые я вижу, — и есть изменения гормонального фона!»

«Остаётся привязать каждое эмоциональное состояние к определённому виду гормонов».

«Да, нужна матрица гормонального состояния».

«Если я найду много схожих линий на графиках, то смогу провести параллель. А затем, приложив гормональную матрицу к любому из графиков, смогу определить уровень выработки гормонов в их организме!»

«Если с помощью ЭЭГ можно увидеть нестабильность изменения электрических колебаний коры головного мозга и, как следствие, изменения эмоционального состояния субъек-

тов, остаётся только изготовить эту матрицу. А после взять одного субъекта и медикаментозно изменять его эмоциональное состояние».

«А после я приложу гормональную матрицу и составлю график уменьшения количества выработки гормонов!»

«Нужно дойти до самого предела и узнать, где та грань, где тот минимум, когда воля человека станет ему не подвластна!»

«Это и есть решение поставленной задачи — оно способно многое изменить».

Сомов закончил анализировать документы и обнаружил, что за окном начинало темнеть. Уезжать из клиники он не планировал. Он тихонько тронул за плечо Сашу. Тот быстро открыл глаза, протёр лицо руками.

— Прошу прощения, Иван Сергеевич. У нас тут столько кислорода… Чуть расслабишься и… вот.

Сомова не интересовало, что Саша мирно дремал, пока он писал черновик отчёта для ректора и комиссии.

— У вас имеются палаты для персонала на случай увеличения смены дежурных? Я планирую остаться до завтра.

Саша встал с кресла и, не задавая вопросов, направился к двери кабинета.

— Да, конечно, Иван Сергеевич, пойдёмте.

Этот день вписал в историю сознания Сомова огромный пласт информации. Силы человеческого организма, к сожалению, требуют восстановления. Иван Сергеевич почти моментально погрузился в сон на металлической кушетке с пружинами в комнате дежурного персонала.

Глава 7. Метод Сомова

Тщеславию уподобляться — что с головою в мёд нырнуть:

Предел почувствовать не сможешь — владыки мёда вонзят иглу в грудь.

Гераклит

Треугольный луч, исходящий из слайдоскопа в центре аудитории, неспешно мигал в такт сменяющимся слайдам. Иван Сергеевич основательно подготовился к «главной» предзащите в своей жизни.

Промежуточный отчёт для учёного совета, состоящего из научных руководителей разных уголков страны, проходил в лекционном зале института психологии с задёрнутыми шторами. В зале царила полная тишина, нарушаемая лишь щелчками механизма смены слайдов.

— Таким образом, мы видим, что на ЭЭГ пациентов есть очевидные идентичные кривые, в большей или меньшей степени выраженные — в зависимости от медикаментозного подхода к лечению и степени выраженности нестабильности эмоционального состояния, — произнёс Сомов. — У меня всё, товарищи.

С этими словами он нажал выключатель на кафедре, попутно выключив проектор, и шторы медленно начали раздвигаться, наполняя лекторий солнечными лучами. Многие из присутствующих с непривычки зажмурились или прикрыли глаза ладонью.

— Позволите? — пожилой оппонент из зала поднял руку, затем встал и представился: — Доктор Фабричный, начальник кафедры психологии, Сибирский филиал.

— Я внимательно выслушал ваш доклад. В целом всё разумно и теоретически правильно изложено. К теории у меня вопросов нет, — он снял очки, достал скомканный носовой платок и усердно начал протирать их, затем надел очки обратно и продолжил: — Но хотелось бы понимать, как вы планируете «довести» уровень выработки гормонов до самого «минимума». Это может погубить пациента. Препараты… знаете ли, и нейролептики, и нормотимики, и антидепрессанты сейчас в большом арсенале.

Тут он начал оглядываться по сторонам. Среди присутствующих появилось оживление: начались перешёптывания, и многие, кивая, говорили вслух:

— Да… да… Он абсолютно прав!

И смотрели на «сибирского» доктора наук.

Иван Сергеевич, отдавший всю свою энергию описанию хода исследований ЭЭГ пациентов, посмотрел на ректора своего института. В его глазах чувствовалась мучительная боль. Этот взгляд сразу был «считан» ректором как зов о «помощи» коллеги в этих нелёгких дебатах.

Ректор встал со своего места и направился к кафедре, где стоял измождённый двухчасовым выступлением Сомов. Нет, в его решении поддержать и продолжить спич молодого доцента не было единственного желания помочь. Здесь включалась большая политика.

Решение о возможных испытаниях и подтверждении теории эмоциональных матриц с использованием аппарата ЭЭГ давало колоссальное финансирование проекту и институту. Факт того, что именно его институт психологии первым решился объявить научному миру о решении вопроса о времени содержания психологически нестабильных граждан в клиниках, имел огромное значение. Заявленный «Метод Сомова», в случае его успешной реализации, экономил гигантские средства на уровне государственной программы здравоохранения. Ректор прекрасно понимал это, поэтому перед научным советом сделал пару звонков «нужным» людям «туда».

Встав за кафедру, он вежливо, чуть слышно, на ухо сказал Сомову:

— Отдохните пока… на первом ряду, — и уважительным жестом направил руку к ближайшим креслам. — С вашего позволения, товарищи, на правах организатора этого совета, я начну.

Непривычный громкий отчётливый бас ректора пронёсся эхом по аудитории. Его голос никак не соответствовал его обычной манере общения в стенах аудиторий. Он знал, что именно сейчас, в этот момент, он должен быть прямолинеен и жёсток, иначе количества голосов на всеобщем голосовании может не хватить.

— Во-первых, спасибо, Иван Сергеевич, за столь полный и объективный доклад, — произнёс ректор.

Сомов встал и вежливо кивнул всем присутствующим.

— Присаживайтесь, — продолжил ректор. — Начну с того, что необходимая база оборудования, персонал и документация подготовлены. Мы рассчитываем начать эксперименты, не теряя драгоценного времени. Как и все присутствующие, и я в том числе, мы все знаем, что скоро в страну хлынет поток импорта и зарубежных веяний в связи с началом Олимпиады. Времени у нас немного.

Фабричный не унимался:

— Вы полагаете, что эксперименты такого уровня можно проводить в публичных стенах института психологии, в самом центре города? Вас не пугает резонанс общественности?

В зале воцарилась пауза. Ректор опустил глаза, затем достал из внутреннего кармана тубус с очками от дальнозоркости, аккуратно разложил их и надел. В его руках, словно он уже ждал такого вопроса, появился обычный неприметный листок стандартной жёлтой бумаги. Без излишних преамбул он начал читать:

— Дата. Верховный Совет. Распоряжение. Ввиду сложившейся обстановки организовать временное размещение лаборатории по исследованию эмоциональных состояний граждан в здании исследовательского центра «Маяк» на Кольском полуострове. Все организационно-штатные мероприятия возложить на ректора главного института психологии. Подпись.

Сняв очки и положив листок на стол, ректор ещё раз посмотрел на присутствующих.

— Начнём голосование, — сказал он совершенно спокойным и привычным тихим тоном, который тем не менее услышали все.

Сам факт того, что всех собрали для решения вопроса о легитимности эксперимента, но по факту «наверху» решение было уже принято, никто не стал ни обсуждать, ни оспаривать. Руки начали подниматься одна за другой.

Секретарь ректора, ведя протокол, встала и пересчитала присутствующих.

— Все, — доложила она ректору и передала протокол учёного совета.

— В таком случае благодарю всех, кто прибыл сегодня на научный совет, и не смею более никого задерживать, — с этими словами ректор сошёл с кафедры и начал о чём-то разговаривать с секретаршей, перебирая исписанные листки протокола.

Тем временем присутствующие неспешно выходили мимо стоявшего у первой линейки кресел Сомова и жали ему руки. Иван Сергеевич жал руки в ответ, кому-то кивал…

В конце концов, когда последний из оппонентов вышел, Сомов подошёл к ректору:

— Товарищ ректор, я… мне… Разрешите забрать Волкова из клиники?

Ректор странно посмотрел на Сомова, удивляясь, насколько приземлённо думают люди разных слоёв общества. Но что поделать: каждый находился на своей ступеньке иерархической системы и решал задачи своего уровня.

— Раз это вам необходимо — берите, и не тяните с оформлением документов по переводу. В начале следующей недели вы открываете командировку. Без конечной даты, повторяю, без. И да, сразу подберите себе того, кого планируете «лечить» этим, — он показал на слайдоскоп.

Сомов тоже посмотрел на слайдоскоп. Все слайды стояли абсолютно ровно и симметрично — как и алгоритм действий в его голове, направленный на гарантированный успех.

Глава 8. Фёдор

Озвученная мысль пребудет светочем во мгле,
Помочь душе, найти дорогу на земле.
Сократ

Александр Петрович сидел на деревянной скамье в зале ожидания железнодорожного вокзала. На коленях лежала тряпичная сумка — «портфель», смешно раздутая от полноты помещённых в неё вещей. Он часто смотрел на часы и на двери фойе ж/д вокзала.

Рядом, привычно положив руки на колени, смиренно сидел человек лет двадцати-двадцати пяти, одетый в серый комбинезон и лёгкую ветровку тёмного цвета. На голове красовалась нелепая летняя панама. Ничего особенного в этом «будущем» пассажире, ожидавшем своего поезда в безликой массе людей, находившихся под крышей вокзала, не было. Но одна деталь, касавшаяся его «спутника», была понятна только Волкову.

Молодой человек непрерывно, практически без пауз, что-то без остановки бормотал себе под нос.

— А ты не можешь без этого? — повернувшись к Фёдору, спросил Волков.

Фёдор даже не среагировал на Александра. В его монотонном бубнении лишь отчётливо прозвучала фраза:

— Почти всегда.

Потом бубнение продолжилось — оно напоминало бессвязный набор слов, звуков, иногда каких-то вздохов.

— Только когда сплю, я не слышу вопросов, — снова отчётливо было слышно Саше из его уст.

Волков обвёл взглядом высокий свод потолка вокзала, вздохнул и снова посмотрел на часы.

Иван Сергеевич Сомов стоял у почтового вагона и лично руководил погрузкой оборудования такелажниками.

— Осторожней с этим ящиком, пожалуйста! Я прошу вас, осторожнее! — ящик действительно был очень большой и еле вмещался в проём товарного вагона.

Сомов нарисовал на нём шестерёнку мелом, как и на всех остальных ящиках. Уже погружённые ящики скрывались в темноте вагона, так как были выкрашены в тёмно-зелёный цвет. Такелажники постоянно переглядывались, передвигая очередной ящик: они не понимали, что внутри, но не решались завести разговор с Сомовым.

Иван Сергеевич делал отметки в длинном списке, понимая, что до отправления остаётся меньше часа. Он невольно вспомнил тот первый листок, где попросил у ректора доступ к аппарату ЭЭГ, графопостроителю и… Волкову. В итоге он смог собрать всё для организации удалённой лаборатории в сжатые сроки. Но та первая бумага, та первая просьба стояла перед глазами.

«Как же быстро всё может поменяться», — подумал Иван Сергеевич. Он вспомнил оранжевый закат выходного дня, цикад, стрижей… На сердце стало чуть тоскливо и тепло одновременно.

Убытие в кольский «Маяк» его не смущало. Там уже не первый год был налажен быт, присутствовала охрана, необходимые коммуникации. По слухам, вокруг второго экспериментально запущенного реактора выросло небольшое поселение. Ощущение того, что он едет не в «никуда», добавляло внутри ощущение значимости и того, что его уже там «ждут». Он постепенно перестраивался к «новому» этапу своей жизни, и эта поездка была своеобразным мостом между прошлым и будущим — этот мост он построил сам…

Погрузка была закончена. Сомов поспешил на вокзал за своими спутниками. Войдя в холл, он сразу увидел Волкова и Фёдора. Александр вскочил:

— Иван Сергеевич! — он снова взглянул на часы. — Нам уже прям совсем пора!

Сомов пригласительно махнул рукой, и Волков с Фёдором поспешно направились за ним к своему вагону. Купе было выкуплено на четверых: Сомов и Фёдор разместились внизу, Саша сразу залез на верхнюю полку.

Через несколько минут поезд тронулся — с небольшим первоначальным стуком, исходившим от первого толчка в месте крепления вагонов друг к другу. Бубнение Фёдора стало ещё более тихим. Может, стук колёс поезда, а может, то, что Сомов и Волков уже привыкли, — было следствием этого.

Александр задремал. Фёдор просто лежал и смотрел на гладкую поверхность покрытия верхней полки над ним. Сомов загадочно смотрел в окно куда-то вдаль; внутри роились десятки мыслей. Чем больше он смотрел, тем больше мыслей становились размытыми, и мозг отдыхал. Его глаза медленно закрывались. Он задремал.

Утро началось с яркого света за окном. Сотни километров, которые поезд проехал за ночь, сменили ландшафт: вокруг была белая заснеженная равнина.

Дверь в купе резко открыл проводник, вежливо проверил документы и билеты и предложил чаю. Когда металлические подстаканники со стаканами и горячей тёмной жидкостью стояли на столе, все трое уже проснулись и молча смотрели на заснеженную гладь за окном.

Взяв подстаканник в руки, Иван Сергеевич посмотрел на стакан с чаем, потом на Сашу:

— Саш, я давно хотел спросить: что ты мне тогда за чай налил?

Волков немного напрягся от неожиданности:

— Так… это… Это «наследие» прошлого хозяина кабинета. Я же говорил: он практиковал нестандартные практики, всех поил травяными чаями и отварами. Больно уж хорошо он в них разбирался!

— И что ты мне налил за «отвар»? — с прищуром ответил Сомов.

Волков пожал плечами:

— Да я и не знаю. Он один там в банке стоял. Приятно мятой так пах — я иногда и сам его пил, когда чай заканчивался. Мята какая-то с чем-то…

Сомов снова посмотрел на подстаканник:

— Да… Обычный «отвар», наверно…

— Саша, а скажи мне: у кого-то есть доступ к твоему кабинету, кроме тебя?

— Нет, Иван Сергеевич. Я лаборант, и там, кроме моего стола, ничего и нет.

— Это хорошо, Саша. Это очень хорошо.

Сомов прекрасно помнил, что произошло тогда в клинике, и как он разговаривал с несуществующим человеком. Сейчас он понял, как появился тот старец и почему его мозг выдал в течение нескольких часов монологом принцип определения наступления гормональной «стабильности» с помощью эмоциональных матриц.

«По прибытии в „Маяк“ надо дать срочную телефонограмму о консервации содержимого той „баночки“ прошлого владельца кабинета для последующего анализа содержимого», — подумал он.

Фёдор продолжал что-то бубнить себе под нос, но этого уже никто не замечал. До приезда на станцию рядом с «Маяком» оставался один световой день.

Глава 9. «Маяк»

Верхушка айсберга, подобная искре,
В глубоких недрах с газом,
Способна мысли начертать,
Доселе неизведанные глазу.
Так Парменид твердил сквозь холод и года:
Лишь в сокровенном — истинная правда, не мечта.
Парменид Элейский
1974 год. Кольский полуостров.

Ледники двигались, как тяжёлые, медленные звери, перемалывая скалы, стирая в пыль всё, что попадалось на пути. Но маяк стоял. Он был здесь задолго до того, как лёд пришёл, задолго до того, как океан отступил, обнажив острова и косы, превратив прежние воды в сушу. Никто не знал, когда его возвели. Ни летописей, ни преданий, ни даже намёков на строителей. Только сам маяк — как молчаливое свидетельство чего-то, что было раньше.

Когда группа исследователей в 1973 году наткнулась на выступающую из-под снега и мёрзлой земли полусферу, они сперва приняли её за природное образование. Слишком уж ровной казалась эта выпуклость, слишком правильной, чтобы быть делом рук человека. Но стоило расчистить снег, как стали видны швы — не трещины, а стыки каменных плит, подогнанных друг к другу с такой точностью, что лезвие ножа не проходило между ними.

Анатолий Павлович Нестеров провёл ладонью по шершавой поверхности и вдруг ощутил странную вещь: холод камня был не просто холодом мерзлоты — он был древним. Будто этот камень помнил солёную воду, штормы, приливы и отливы, когда на месте этих скал плескался океан.

— Это не природа, — тихо сказал он. — Это строили. И строили так, чтобы стояло вечно.

Археологи-исследователи расчистили проём и вошли внутрь. В центре круглого зала зиял колодец — вертикальная шахта, уходившая вниз, в глубь земли, туда, где холод был не просто погодой, а состоянием материи. Стены шахты были гладкими, будто отполированными временем, но не разрушенными. Это были стены здания, которое много лет назад оказалось закованным во льдах. Казалось, что сама мерзлота, обступив маяк со всех сторон, стала его защитой, законсервировав его, как в ледяной капсуле.

— Шахта уходит вниз, — сказал один из инженеров, заглядывая в темноту. — И она не обрушена. Стены держатся.

— Потому что их строили под водой, — неожиданно произнёс Анатолий Павлович. — Их изначально строили так, чтобы они выдержали тайфуны и цунами. Этот маяк когда-то стоял посреди океана, который был на месте нынешних островов. Ледники пришли позже и обступили его, а потом растаяли, и вода ушла. А он остался.

Никто не знал, сколько тысяч лет маяк простоял в этих местах. Никто не знал, кто его строил. Но теперь он стал чем-то большим, чем просто руинами. Его конструкция стала готовой шахтой — идеальной для размещения реакторной установки.

Идея пришла не сразу, но, когда пришла, показалась единственно верной.

— Мы не будем рыть новую шахту, — сказал Анатолий Павлович на совещании, разложив в палатке на ящике схемы. — Мы укрепим эти стены бетоном, герметизируем стыки, проложим коммуникации по укреплённым стенам. И прямо здесь, внутри этого древнего сооружения, разместим реакторную установку.

Споры шли до рассвета. Кто-то говорил, что это безумие — ставить ядерный реактор в руинах неизвестного происхождения. Кто-то возражал, что именно здесь, в вечной мерзлоте, реактор будет максимально изолирован от внешней среды, а охлаждение реактору подарила

сама природа. В конце концов решающим аргументом стала не наука и не романтика, а простая арифметика: строить с нуля в этих условиях стоило бы вдвое дороже и заняло бы втрое больше времени.

Так началась история станции «Маяк». Название родилось само собой — от купола, который даже в пургу был виден издалека, как свет в темноте.

Пусконаладочные работы шли тяжело. Мерзлота не прощала ошибок: малейший перегрев — и грунт начинал «плыть», грозя обрушить стены. Анатолий Павлович проверял каждый шов, каждую трубу, каждый датчик. Он знал: если здесь что-то пойдёт не так, последствия будут не просто серьёзными — они будут необратимыми.

И когда в середине 1974 года реактор второго энергоблока впервые вышел на проектную мощность, он стоял у пульта и смотрел, как стрелки приборов замирают на расчётных значениях.

— Работает, — тихо произнёс он, будто боялся спугнуть удачу. — Работает.

Рядом с энергоустановкой начали возводить исследовательский комплекс. Сначала он был нужен для контроля за состоянием реактора: как ведёт себя бетон, как реагируют датчики, как меняется температура грунта. Очень скоро стало ясно: станция вырабатывает столько энергии, что её хватает не только на собственные нужды, но и на десятки дополнительных потребителей.

Именно тогда, в конце 70-х, на «Маяк» начали приезжать учёные из разных институтов. Физики, геологи, биологи — все хотели использовать избыточные мощности для своих экспериментов.

И однажды в кабинет к Анатолию Павловичу, незадолго до прибытия делегации из Главного института психологии, прибыл молодой сотрудник Министерства общей безопасности — лейтенант Шаповалов. Он явился в строгом офицерском кителе, и в его взгляде читалась готовность к любой неожиданности.

— Товарищ Нестеров, — чётко доложил он, — назначен на должность начальника службы общей безопасности объекта. Поступил в ваше распоряжение.

Анатолий Павлович кивнул, оценивающе глянул на лейтенанта: молодой, собранный, без лишней суеты.

— Добро пожаловать на «Маяк», — сдержанно произнёс он. — Здесь тишина обманчива. За каждым метром — тонны мерзлоты и ответственности.

Шаповалов чуть расправил плечи:

— Принято, товарищ Нестеров. Готов приступить к исполнению обязанностей.

Анатолий Павлович открыл ящик стола, достал телефонограмму, положил перед лейтенантом:

— Через несколько дней сюда прибывает делегация из Главного института психологии страны. Планируют развернуть лабораторию для исследований в области эмоциональной стабильности и поведенческих реакций. Задача службы безопасности — обеспечить режим, контроль доступа, сохранность оборудования. И главное — никаких утечек информации.

Лейтенант пробежал глазами текст телефонограммы, кивнул:

— Понял. Организую дежурства, проверю периметр, подготовлю пропускной режим.

— Хорошо, — коротко ответил Анатолий Павлович. — У нас тут не просто реактор. Это место, где тишина — тоже часть работы.

А теперь, в 1980 году, поезд, грохоча на стыках, нёсся по северной ветке, увозя троих пассажиров всё дальше от столицы, всё ближе к краю земли.

Эта ветка была тупиковой, конечной — дальше рельсы обрывались у небольшой станции, где не было ничего, кроме низкой платформы, сигнального фонаря да покосившегося указателя. Здесь заканчивалась железная дорога, и начиналась другая реальность — холодная, строгая, будто специально созданная для того, чтобы отсекать лишнее.

Иван Сергеевич Сомов сидел у окна, прижимая к груди папку с чертежами и схемами. Рядом, на нижней полке, дремал Александр Петрович Волков, уткнувшись носом в воротник пальто. Напротив, у противоположного окна, сидел Фёдор. Он не спал. Он вообще, казалось, не умел спать спокойно. Его губы беззвучно шевелились, выдавая поток мыслей, которые он не мог удержать внутри.

— Почти всегда, — вдруг отчётливо произнёс Фёдор, глядя в темноту за стеклом, — почти всегда я слышу вопросы. Даже когда никто не спрашивает.

Сомов обернулся, посмотрел на него, потом снова уставился в окно. За стеклом тянулась бесконечная полоса тундры, изредка прерываемая редкими огоньками посёлков.

«Мы едем туда, где можно услышать, как работает мозг», — подумал он.

Поезд замедлялся, подползая к конечной станции. Когда двери вагона открылись, пассажиры вышли на стылый воздух, где пахло снегом, железом и далёким морем.

На краю платформы стоял гусеничный тягач с отапливаемой будкой для перевозки людей — единственное транспортное средство, на котором за час можно было добраться от станции до «Маяка». Рядом с ним, подняв воротник от ветра, стоял Анатолий Павлович.

— Иван Сергеевич? — спросил он, вглядываясь в лицо Сомова.

Сомов кивнул, крепче сжимая ручку портфеля:

— Да. Мы прибыли.

Анатолий Павлович посмотрел на эту троицу. «Делегация», — подумал он про себя.

— Ладно, давайте разгружаться, — коротко ответил Нестеров. Он махнул рукой нескольким рабочим со станции, которые аккуратно начали перетаскивать оборудование из товарного вагона в тягач.

Анатолий Павлович чуть улыбнулся — впервые за вечер.

— Нам есть о чём поговорить. Пойдёмте. Тягач готов. До «Маяка» час пути, для вас всё уже подготовлено.

Все трое пошли вслед за ним к тягачу. Через полтора часа, после окончания перегрузки оборудования и проделанного пути, они окажутся там, где из-под земли, из самой мерзлоты, поднимался тёплый свет станции, которая когда-то была маяком посреди океана, потом стала реактором, а теперь станет будущей лабораторией, где собирались искать ответы на самые трудные вопросы о человеческой душе.

Глава 10. Так будет лучше

Власть возжелав — душа сгорает,
Никто её не возвращает.
Сенека (Луций Анней Сенека)

Разместив трёх «Гостей» в жилом блоке, Нестеров и Шаповалов неспешно шли по главному холлу станции. Анатолий Павлович шёл молча, ничем не выдавая свою озабоченность ситуацией.

Наконец он повернулся к Леониду и, чуть поглаживая себя по короткой седой бородке, с небольшим прищуром сказал:

— Началось. Всё, как я и думал. Целых шесть лет нас никто не трогал.

Леонид развернулся в его сторону:

— Простите, Анатолий Павлович? Что-то не так?

Нестеров оживился и посмотрел прямо перед собой:

— Всё так, молодой человек. Но здесь, на этой земле, всё это… — «Всё это», — повторил он снова.

— Что «всё это»? — Леонид искренне не понимал Нестерова.

— Всё это строилось с нуля. Это всё создал я. Здесь был пустырь, разрушенный маяк, вечная мерзлота. А сейчас… Сейчас это вторая по величине исследовательская станция по изучению «мирного атома».

Леонид как-то пристально и отстранённо посмотрел на него:

— Ну и… За шесть лет-то что?

Нестеров покраснел: кажущаяся «недальновидность» молодого лейтенанта начинала раздражать. Он всегда недолюбливал военных — может, из-за бесконечных скитаний по гарнизонам с родителями в детстве, а может, из-за той сухой прямолинейности и резкости, с которой принимал решения его отец. Да и вообще, в целом, все военные…

— Что вы имеете в виду? — Нестеров явно чувствовал, что до лейтенанта, возможно, и не получится «достучаться».

— Изучили? — добавил Шаповалов.

— И не только изучили! Мы продолжаем изучать, наблюдать и исследовать! — Анатолий Павлович начал заметно нервничать.

Шаповалов, увидев это, вспомнил инструкции, полученные перед поездкой. Он посмотрел на начальника станции спокойным, ровным взглядом и добавил:

— Анатолий Павлович, вам не стоит беспокоиться. Всё под контролем.

Нестеров выдохнул. За последние несколько лет его круг общения был очень узок, поэтому всем с «материка», да ещё и «в погонах», он привык доверять.

— Все телефонограммы отправляю и принимаю лично я, — неожиданно для Шаповалова и для себя отметил вслух Нестеров. — Они только приехали, и уже вот…

Он протянул записку лейтенанту. Она была адресована ректору главного института психологии. В ней было много воды о приезде, технике и так далее. Но в конце был странный момент: Сомов писал о какой-то банке с чаем из больницы, из центральной лаборантской, — что её срочно надо выслать ему вместе с его личными наработками и дополнительной документацией на оборудование, часть которой впопыхах не взяли на станцию.

— Чай просят прислать… Чай, понимаете? Мы отправляем телеграмму о срочной отправке чая! — Нестеров не на шутку разошёлся.

Шаповалов не мог понять, что этого «наместника» больше беспокоит: то, что его дёргают по «пустякам», или то, что его каждодневный монотонный жизненный уклад настолько неприкосновенен.

— Анатолий Павлович, достаточно эмоций. Я разберусь со всем этим. Отправляйте телефонограммы. В любом случае решение о развёртывании лаборатории уже принято, и обсуждать это на нашем с вами уровне… Это пустая трата времени.

— Пустая трата времени — заказывать чай с материка, — не унимался Нестеров.

Шаповалов практически дошёл до своей комнаты, посмотрел на часы, затем на Нестерова:

— Анатолий Павлович, на этом я предлагаю закончить наш очередной рабочий день на сегодня.

С этими словами Леонид слегка кивнул ему и произнёс:

— Часть имею, спокойной ночи.

И закрыл за собой дверь.

Нестеров остался один в коридоре — с чуть хлопнутой перед самым его носом дверью. В руке была та самая бумажка Сомова.

— Будет вам чай с газетами, — выругался в сердцах Анатолий Павлович. — Отправлю третьим классом, чтоб к лету только получили.

Нестеров не знал, что, согласно распоряжению Министерства общей безопасности, вся корреспонденция и посылки отправляются в «Маяк» исключительно в первую очередь. И так было всегда, вне зависимости от указания приоритета почтового отправления в телефонограмме.

Дверь радиста была торжественно пройдена мимо. Нестеров радовался тому, что делает «как ему надо». Это был почерк лидера, который по крупицам прибрал к рукам «мнимую» власть на «Маяке» и искренне гордился этим, получая удовольствие сам от себя. Но по факту эта маленькая «империя» принадлежала стране, и Нестеров был всего лишь маленьким винтиком одной огромной «машины».

Утром, придя в комнату радиста, Анатолий Павлович отправил телефонограмму Сомова, убеждённый, что и ответ, и посылка придут нескоро.

Иван Сергеевич, Саша Волков и Фёдор ночевали снова, как и в поезде, в одной комнате. Волков помногу работал в клинике. Более-менее «нормальные» пациенты, такие как Фёдор, не вызывали у него никаких излишних подозрений; к такому соседству он относился спокойно. А Сомов волновался.

Он проснулся раньше всех и не понял, что за тон — приносить завтрак в комнату жилого блока без стука, пока все спят.

— Здесь попахивает какой-то коммуной. Все должны питаться в столовой. Кто, чёрт возьми, всё это придумал? Что за… — Не успел он договорить, как в комнату, так же, как и ранние утренние посетители, приносящие завтрак, зашёл молодой человек в белом комбинезоне. Без каких-либо признаков этикета он вымолвил:

— Вас ждут на минус первом этаже, в зале управления.

После этого он развернулся и ушёл быстрым шагом.

— Нет. Меня порядком всё это возмущает, — Сомов направился напрямую к Шаповалову.

Постучав, он дождался, когда дверь откроется. Застёгивая верхнюю пуговицу рубашки, Леонид был бодр и с хорошим настроением. Он ответил:

— Доброе утро, Иван Сергеевич. Чем обязан?

Лицо Сомова немного отошло от былого недовольства:

— Здесь происходит что-то не совсем… обычное. Эти порядки, знаете ли… Они…

— Они не специфичны для такого места, — добавил Шаповалов и наконец справился с пуговицей.

— Да, именно, — выдохнул Сомов. — А вы так не считаете?

Лейтенант надел фуражку:

— Иван Сергеевич, я хотел попросить… Нет, скорее, рекомендовать вам: не акцентируйте на этом своё внимание. У вас другие задачи.

Сомов выслушал его и молча кивнул. Шаповалов увидел: учёный понял.

Иван Сергеевич вернулся в комнату и снова увидел картину из поезда: Саша Волков, спящий на своей кровати, и Фёдор, сидевший у окна и что-то бубнящий под нос.

— Чувствуется, наработаем мы тут… Лишь бы не «на отказ», — с долей иронии и сарказма прошептал Сомов.

Глава 11. Лаборатория

Нить Ариадны путь отыщет в темноте,
А прошлое растает в зыбкой пустоте.
Платон

Зал управления представлял собой большое помещение, разделённое стеклянными перегородками. В нём сидело множество похожих друг на друга сотрудников «Маяка» в белых комбинезонах. По одну сторону прозрачных «комнат» располагались в основном электрические пульты контроля реактора, а другая сторона была отведена под бумажную работу.

Сомов и Волков шли вдоль стеклянной изгороди помещения, не спеша рассматривая присутствующих. Работников было не так много. В конце коридора их встречал Анатолий Павлович с двумя женщинами чуть старше двадцати.

— Рад вас видеть в столь ранний час, — произнёс Нестеров. Он посмотрел на новоиспечённых «жителей» своей территории, и по натянутой улыбке на его лице сразу стало видно, как он их «ждал». — Вот, пожалуйста: эти две комнаты выделены специально для вас.

С этими словами он жестом указал на две стеклянные перегородки с дверями. За ними уже стояли ящики с оборудованием, привезённые Сомовым.

— А это, прошу любить и жаловать, наши уважаемые работники медицинского блока — сёстры Марина и Дарья.

Слово «сёстры» было уместно в обе стороны: и как обозначение их должности (медицинские сёстры), и потому, что они, как ни странно, одновременно были сёстрами-близнецами. Обе — в белых халатах, обе — блондинки с кудрявыми золотистыми волосами.

Волков заметно оживился. Ближе к нему стояла Марина, и она тоже обратила внимание на Александра. Иван Сергеевич невольно заметил эти переглядывания молодого лаборанта и медсестры.

— Нам нужно работать, Саша, ты слышишь меня? — строго спросил Сомов.

— Да… Что… Я… Я… — растерялся и покраснел Волков.

Марина тоже покраснела и повернулась в сторону сестры.

— Нам необходимо выделить отдельную комнату для прибывшего пациента и организовать круглосуточное дежурство, — продолжил Сомов.

— Да, да, — отозвался Нестеров. Он что-то шептал на ухо второй близняшке и мельком посматривал на Сомова. Со стороны это откровенно казалось проявлением недоверия.

— Да, я всё поняла, Фёдор, я поняла. Хорошо, комната 22 — напротив входа в медицинский блок, хорошо? — Дарья без промедления направилась к выходу из зала управления.

— Всё решено, — подытожил Нестеров. — Фёдора «вашего» переведут в медицинский блок.

— И «вашего» теперь тоже, — Сомов нахмурился.

Саша увидел, что неприязнь между здешним начальником и его наставником разгорелась с самого начала. Но, снова посмотрев на Марину, он вдруг почувствовал, как внутри стало тепло и легко. Марина тоже смутилась: молодой лаборант с материка сразу ей приглянулся.

— Иван Сергеевич, давайте разберём оборудование. Анатолий Павлович, а Марина будет работать с нами? — резкая смелость Волкова, обращённая сразу к двум руководителям, словно заставила их «объединиться» в диалоге с ним и немного «примириться» между собой.

— Марина — начальник медицинского блока, а Дарья — её помощница, старшая медсестра, — пояснил Нестеров.

— Пока нет обращений по состоянию здоровья. Для них есть прямое распоряжение оказывать помощь в развёртывании лаборатории по изучению эмоциональной нестабильности, — добавил он.

— Лишние руки нам не помешают, — произнёс Сомов и продолжил про себя: «И головы тоже».

С этими словами новые жители — работники «Маяка» — зашли в один из своих новых «кабинетов». Следом вошла Марина. Нестеров остался на пороге, в коридоре зала.

— Спешу откланяться: дневные отчёты. Катастрофически не хватает времени, — сказал он.

— С вашего позволения, — кивнул Нестеров и быстро ушёл.

— Что, Саша, давай приступим, — Сомов самолично вскрыл первый ящик с графопостроителем и посмотрел на Марину. — И медицина нам очень даже потребуется, очень. Марина, скажите, вы знакомы с препаратами класса «нейролептики»?

Сомов вопросительно посмотрел на девушку и выждал паузу.

— Да, знакомы. Здесь, вдали от цивилизации, мы живём практически изолированно уже два с лишним года. Нам с сестрой приходилось купировать приступы не только лёгкой депрессии, но и последствия непредсказуемых ситуаций, связанных с работой реактора. Из тех, кто начинал здесь работать, остался один товарищ Нестеров, — ответила Марина.

Волков помогал Сомову распаковывать коробки, но, казалось, не слышал, о чём говорит Марина: для него сейчас её голос лился словно песня. Но не для Ивана Сергеевича.

— Скажите, Марина, а почему все уехали — «из первых», как вы говорите? — спросил Сомов.

— Они не уехали. Их не стало. Их увезли, и всё, — она опустила голову.

— Как понять «не стало»? — Сомов пытался уловить нить событий, происходивших на станции последние пять лет.

— Анатолий Павлович всегда нам говорил: «Меньше вопросов — больше дела» — и приходил за очередной порцией таблеток.

— Каких таблеток? Зачем? — Сомов наконец начал понимать, что происходит и почему Нестеров так нервничает.

Марина снова опустила голову, понимая, что сказала лишнего. Но, посмотрев на Александра Волкова, она ощутила в его глазах невидимую защиту. Ей стало спокойно, и она продолжила:

— Анатолий Павлович, когда мы с сестрой только приехали на стажировку, не дождавшись окончания нашей практики, предложил нам возглавить медицинский блок, хотя предыдущие работницы ещё занимали наши должности.

— И что из этого? — Сомов уже всё понял.

— Потом мы выдавали ему таблетки «от радиации», так он их называет.

— Нейролептики, — продолжил Сомов.

— Да. Их, — Марина уже не опускала взгляд. Она ждала следующего вопроса, но тут вмешался Александр:

— Иван Сергеевич, уже всё и так понятно: он убирает неугодных, а сам… Сам давно принимает эти лекарства. — Он снова посмотрел на Марину. — И ему надо всё больше и больше с каждым месяцем, понимаете?

Сомов не хотел, чтобы их разговор кто-то услышал.

— Новый начальник службы безопасности знает об этом? — продолжил Сомов.

— Нет, мы с сестрой никому об этом больше не говорили.

— И, кстати, а что стряслось с предшественником Шаповалова? — в разговоре воцарилась пауза.

Марина невольно отшатнулась. В какой-то момент показалось, что ей стало не по себе при упоминании об этом человеке. Саша подхватил её под руку. Она схватилась за голову.

— Он упал… Упал в шахту реактора, — тихо произнесла она.

— Погодите, он что, и сейчас там? В шахте? — Сомов чувствовал, что чем больше он узнаёт, тем более странной и пока непонятной цепочкой тянутся события, происходящие здесь.

В этот момент раздался еле заметный толчок откуда-то из-под земли.

— Это автоматическая замена контура охладителя. Это происходит каждые три дня, — уже спокойно ответила Марина.

— Ладно, я думаю, на сегодня хватит новостей из «прошлого», — Иван Сергеевич подошёл к Марине и почти шёпотом произнёс: — Пока, касаемо таблеток, тех, которые вы выдаёте Нестерову, никому ни слова. Завтра мы напишем заявку о потребности в этих препаратах на ближайший месяц: они нужны для исследований. А заодно и посмотрим на его реакцию.

— Ваш Фёдор… Он тоже болен «радиацией»? — невозмутимо спросила Марина.

— Да, он болен. Считайте, что «радиацией», — сказал Сомов. Сказав это, Иван Сергеевич окинул взглядом высокий потолок и, не отводя взгляда от ярких ламп, достал из очередного ящика большую банку кофе.

— Саша, бери свою новоиспечённую «коллегу» — нам пора позавтракать.

Глава 12. Сёстры

Природа подарила тебе чудо — живое зеркало души,
А ты им жертвуешь легко, не слыша крика изнутри.
Эпикур

Дарья неспешно собирала свой «тревожный» медицинский чемоданчик. Она делала это каждое утро, собираясь на обход всех помещений «Маяка».

В тот день ровно два года назад она помнила, как впервые оказалась вместе с сестрой в кабинете Анатолия Павловича. Его распоряжение о выдаче спецпрепаратов лично ему нисколько её не смутило — в отличие от её сестры Марины. Впоследствии это и стало ключевым решением о назначении её руководителем медблока. Марине оставалось довольствоваться лишь должностью старшей медсестры.

Нестеров оказывал знаки внимания молодой девушке больше, чем остальным работникам. Однажды он заказал завтрак прямо ей в комнату из столовой. В результате недовольные уехали далеко и надолго, но подача еды в комнаты, где жили сотрудники, стала традицией.

Анатолий Павлович был сторонником странных методов воздействия на коллектив. С одной стороны, он казался правильным и душераздирающе пронзительным в своих суждениях о комфорте и «здоровом» взаимоотношении в коллективе. С другой — с теми, кто хотя бы раз был не согласен с ним, был очень короткий разговор, точнее, его не было совсем. Их увольняли, а потом просто увозили чуть ли не под конвоем до станции. Больше их никто не видел.

Раньше тех, кто работал на «Маяке» с самого начала, было больше. Ещё тогда поговаривали — и Дарья это слышала, — что Нестеров был совсем другим человеком. Но за эти шесть лет болезненное чувство потерять власть и то, что он «построил», сыграло с ним злую шутку.

В дверь постучал санитар из медблока. Аккуратный, ни с чем не сравнимый «медицинский» стук Дарья научилась распознавать безошибочно. «Снова вызывает», — подумала она.

Дверь открылась.

— Вас… Анатолий Павлович, — произнёс санитар.

Дарья была почти собрана. Выходя, она посмотрела на санитара и коротко спросила:

— Тот новый пациент, Фёдор, как он?

— Организовали дежурство у комнаты. Иногда открывает дверь, как котёнок: осматривается и закрывает снова.

— Хорошо, продолжайте дежурить. Перемещение в одиночку по территории станции ему не разрешено, — с этими словами она отправилась на минус второй этаж, где через старый свод был проход в зал управления — к кабинету Нестерова.

Дарья быстро прибыла в кабинет и, к своему удивлению, увидела в нём Марину вместе с Сомовым. Зайдя, она посмотрела на Марину и с долей ехидства спросила:

— А где твой новый друг?

Она имела в виду Сашу Волкова.

— Александр работает в соответствии со своими должностными обязанностями, — повернувшись к Дарье, ответил Сомов.

Анатолий Павлович встал из-за стола и, взяв инициативу разговора в свои руки, с долей напряжения в голосе сказал:

— Уважаемый Иван Сергеевич, согласно вашей заявке, у нас здесь возникают некоторые «трудности».

Он протянул подписанный листок Дарье. Она взглянула на листок, и её рука задрожала.

— Вы простите, это слишком большое количество «нейролептиков»… Зачем вам столько? Здесь указан практически весь наш годовой запас. У нас попросту столько нет.

Он повернулся к столу и налил в стакан воды из графина. «Нервничает», — подумал Сомов.

Сёстры переглянулись.

— Марина, разве ты не сказала Ивану Сергеевичу, что у нас столько нет? — спросила Дарья.

Марина смотрела сестре прямо в глаза.

— Согласно акту инвентаризации спецпрепаратов, указанное количество есть на складе медикаментов. Причём в двойном размере, чем указано в заявке.

Дарья, продолжая держать листок бумаги, посмотрела на Нестерова, который повернулся, держа стакан в руке.

— Видите ли, Иван Сергеевич, в данной ситуации возникла ошибка в инвентаризационной ведомости. Мы дозакажем с материка требуемое вам количество. Вам хватит на весь ваш курс исследований!

Он сделал глоток из стакана и с громким звуком поставил его на стол.

— А теперь позвольте мне продолжить работу. Сегодня была смена охладителей, перенастройка, знаете ли, — хлопотное дело.

Он посмотрел на часы.

— Да, пора. Еле укладываемся в график.

Иван Сергеевич поспешил выйти из кабинета. Проходя мимо Марины, он посмотрел на её сестру, затем на свой листок — заявку, подписанную Нестеровым. Он взял его из рук Дарьи и передал Марине со словами:

— Вы идёте?

— Да, конечно, — ответила она.

И они оба удалились из зала управления.

— Анатолий Павлович, вы что не сказали? Что теперь будет? Что? Акт подделан, я сама расписалась вместо Марины… Я же говорила… — Дарья закрыла лицо руками и начала плакать.

Нестеров нахмурился.

— Я говорил тебе: держи сестру при себе. Наверняка она всё ему уже разболтала. Всё, успокойся. Закажем ещё, остальное спишем задним числом: скажем, истёк срок годности, и утилизировали — на случай, если приедет комиссия.

— Я говорила вам, — сквозь слёзы продолжала Дарья, — говорила, что рано или поздно возникнет крупная недостача.

— Я сказал: немедленно успокойся, — Нестеров достал платок и протянул понемногу успокаивающейся девушке.

— У них эксперимент, в конце концов. Вряд ли всё пойдёт гладко. Вот и подождём, потом спишем всё на них.

Дарья, перестав плакать, посмотрела на Нестерова.

— Как… Просто спишем и всё? Выдавать-то Марина ему будет со склада. А она… Она всё знает, она этого не допустит.

— Допустит, не допустит… Время покажет, кто кого допустит, — Нестеров посмотрел на Дарью с каким-то хищным прищуром.

Девушка невольно поёжилась.

— Я пойду, Анатолий Павлович.

Нестеров продолжал смотреть на неё, не моргая.

— Ой, простите, я забыла, — она открыла медицинский чемоданчик с красным крестом и, не поворачиваясь к Нестерову, протянула несколько блистеров с таблетками, перевязанных резинкой.

— Вот, возьмите, это на неделю.

Нестеров мгновенно распечатал один из блистеров и запил таблетки остатками воды. Его глаза закрылись, и он медленно выдохнул, продолжая стоять у стола. Как уходила Дарья, он уже не слышал.

Шагая по коридору, Дарья обернулась. «Как же мне всё это надоело», — подумала она, и сердце сжалось от собственной беспомощности в данной ситуации.

Лампы сферического зала моргнули в такт очередного скачка электрической энергии. Глаза девушки, ещё полные слёз, даже не моргнули.

Глава 13. Посылка

Чужое взять, что легче может быть
Лишь правду тяжело потом носить.
Диоген

Иван Сергеевич неспешно разбирал большую стопку документов. Документации с материка они действительно привезли много. Саша Волков неспешно настраивал аппарат ЭЭГ, подключая необходимые разъёмы и питающие шнуры. Марина уже который день работала вместе с Сомовым и Александром, и, похоже, ей больше нравился новый коллектив, чем склад медикаментов медицинского блока.

— Марина, скажите, какой запас необходимых медикаментов согласно моей заявке у нас присутствует сейчас?

Марина отвлеклась от настройки медицинского кресла, которое стояло рядом с аппаратом ЭЭГ.

— Иван Сергеевич, вам нужны реальные данные или сколько должно быть по документам?

— Реальные, желательно, — Сомов пристально посмотрел на дорожную карту планируемых исследований. — По моим расчётам, приём препаратов для менее травматического воздействия на психику необходимо назначать не реже одного раза в три дня в течение трёх месяцев. То есть, выходит, нам нужен тридцатидневный объём.

Марина вдумчиво посмотрела наверх — она знала наизусть практически все позиции медикаментов на складе и прикидывала в уме.

— Нет, не хватит. Точно нет, там столько нет… — Она посмотрела на Сомова и виновато пожала плечами.

Иван Сергеевич знал, что её вины в этом нет.

— Саша, а ты что скажешь?

Волков, как всегда, был погружён в процесс, которым занят, и не замечал ничего вокруг.

— Саша, ты меня слышишь? У нас не хватит нейролептиков…

Волков отвлёкся от сборки, интуитивно посмотрел на Марину, потом на Ивана Сергеевича:

— Нестеров всё съел…

Марина улыбнулась. Иван Сергеевич не оценил шутку Александра:

— Саша, мне сейчас ох как не до шуток!

Сомов не собирался ругать Волкова или высказывать срочные нравоучения. Сейчас его заботил лишь факт необходимого количества медицинских препаратов для предстоящего эксперимента:

— Если теоретически Нестеров «выкрутится» и восполнит заказ склада — что неизбежно, — скажите, Марина, когда прибудут медикаменты?

— Учитывая, что сегодня прибывает контейнер с материка, следующий — только через два месяца.

— Два месяца! Нет… это невозможно… можно вообще ничего не начинать.

Сомов взялся обеими руками за голову и смотрел практически не моргая перед собой. Этот неожиданный факт нарушения правил самим начальником станции «отбросил» разработки на целых два месяца.

Александр видел озабоченность Сомова. В прошлом, ещё в клинике, поступало много пациентов, которые находились на «интенсивной терапии», но периодичность принимаемых препаратов была не менее одного раза в два дня.

— Иван Сергеевич, — Волков с чуть заметным прищуром посмотрел на Сомова, — а что если один раз в день и один месяц? Я полагаю, мы дойдём до нужной стадии.

Сомов, услышав эти слова, медленно поднял голову — в его глазах буквально загорелся лучик надежды. Но Марина резко вмешалась в разговор:

— Извините меня, товарищ Сомов, я как врач не могу этого допустить. Это слишком большие дозы и за очень короткий срок! Это большой риск!

Сомов посмотрел на неё без доли каких-либо эмоций на лице:

— А если не как врач?

Марина встала и подошла практически вплотную к столу Сомова и почти шёпотом произнесла:

— Вся ответственность будет исключительно на вас. Я лишь предупредила, но препятствовать не буду. Учитывая ситуацию с начальником станции, возможно, и этих препаратов не будет в скором времени.

Сомов понял: новый скорректированный план эксперимента — тоже под угрозой срыва.

— Саша, берите с собой Марину и забирайте со склада все нейролептики, которые мы официально имеем право получить. Я жду вас здесь.

Александр, а вслед за ним и Марина, быстро скрылись за стеклянными дверями и направились в медицинский блок.

Анатолий Павлович, пребывая на должности начальника станции, больше всего любил три вещи: власть, спокойствие и… получение почтового контейнера с материка. В контейнере было много интересного. Всем работникам Маяка разрешалось раз в два месяца в разумных пределах что-то заказывать для себя лично.

В целях безопасности все прибывшие отправления осматривались начальником службы общей безопасности и… как это ни странно звучит — начальником станции Анатолием Павловичем Нестеровым. Так было и в этот раз, с одной лишь поправкой: Шаповалов на таком осмотре был первый раз, и все вещи досконально осматривал лично Нестеров.

— Вот и посылочка нашего Сомова. Так, посмотрим, что тут у нас. Бумаги, бумаги, бумаги… хммм, а это — вот, смотрите, Леонид, то, о чём я говорил.

Нестеров достал стеклянную банку с высушенными листьями, похожими на чай. Без каких-либо признаков приличия и такта открыл её и понюхал содержимое:

— Мята. Он заказал мяту.

С этими словами он высыпал содержимое на лист бумаги, свернул и положил в карман, затем завернул крышку и бросил банку в ящик. Банка не выдержала удара о твёрдое деревянное дно и со звоном разбилась.

— Ой, — воскликнул Нестеров, — не доехала, какая досада.

Далее он просто закрыл крышку ящика.

— Зачем вы это делаете? — возмутился Шаповалов.

— Затем, мой юный страж безопасности, чтоб другим неповадно было.

Нестеров посмотрел на Леонида злым, недоверчивым взглядом. Шаповалов и чувствовал, и видел своими глазами: с начальником станции, точнее с его поведением, происходит что-то неладное.

Когда осмотр контейнера был окончен, Нестеров убыл к себе в кабинет, а Шаповалов ещё долго стоял и смотрел на сверкающие остатки мелкого стекла, которые высыпались на пол из ящика, принадлежавшего Сомову.

«Так продолжаться не может, нужно что-то предпринимать», — внутренний голос Шаповалова подсказывал ему, что Дарья — старшая медсестра — знает намного больше, чем кажется.

Леонид посмотрел на часы. «Рабочий день ещё не закончен», — мысли продолжали выстраивать цепочку прошлых и возможных будущих событий. Он незамедлительно отправился в медблок, где лицом к лицу столкнулся с Мариной и Волковым.

— Дарья, добрый день. Я хотел бы с вами поговорить, лично. Вы позволите?

Он повернулся к Волкову:

— Со всем уважением, товарищ лейтенант, но это не Дарья. Это начальник медицинского блока — её сестра-близнец — Марина.

Шаповалов изначально был удивлен, насколько они похожи, но после осознания того, что ошибка может быть и к лучшему — «вдруг Дарья на слишком близком расстоянии к Нестерову» — он задумался.

— Мы можем идти? — Волков не хотел надолго оставаться в присутствии нового «безопасника».

— Да, конечно. Передайте Ивану Сергеевичу — его посылка с документами прибыла.

— Спасибо, мы заберём.

Волков демонстративно взял Марину за руку и удалился.

«Значит, они теперь вместе. Это хорошо, значит, Марина точно не на стороне Нестерова», — Шаповалов облегчённо вздохнул.

«Ладно, я загляну к ним в нерабочее время. Может, тогда Марина, раз так, станет сговорчивей».

Глава 14. Майор

Тем, кто не с нами, пусть не так давно,
Хранить чужие тайны суждено.
Гераклит

Документы для заказа очередной партии продовольствия и личных отправлений с «материка» были готовы заранее — Анатолий Павлович привык готовить все документы наперёд. Последний штрих — оформить заявку на «недостачу» медикаментов, остальное подлежит списанию как «с истекшим сроком годности». План был банален и прост в воплощении, но мысли о том, сколько заказывать, не давали покоя.

«А что если я спишу на эксперимент в три раза больше… плюс «недостача» — просрочка… тоже «троекратно», плюс новая потребность… итого…» — мысли радовали взбудораженный мозг Нестерова. Решение запастись нейролептиками на год вперёд и закрытие собственной потребности на долгие месяцы — это было не просто навязчивой идеей или чётким планом, это была нужда и корысть одновременно.

«Пусть Сомов потом сам выкручивается. В конце концов это он «чужой» здесь, а я «свой»», — окончательно приняв решение, Анатолий Павлович поставил печать и подпись в заявке о необходимости поставки нейролептиков на шесть месяцев вместо стандартных двух. «Сколько там осталось? Это знает только Дарья. Я не считаю, да и не надо мне это. Пусть считают другие — моя миссия на станции, это и есть сама станция, — это важнее». С этой мыслью он нажал кнопку вызова медблока.

Из пульта связи донеслось знакомое:

— Медблок. Говорите.

— Дарья, это ты?

— Ну а кто же, Анатолий Павлович? Что-то случилось?

Нестеров не хотел снова расстраивать девушку:

— Даша, возьми ведомость инвентаризации. Жду тебя.

Из динамика донеслось тихое: «Иду».

Через десять минут Дарья была в кабинете у Нестерова.

— Вот, — Анатолий Павлович протянул листок Дарье. — Я всё подписал.

— Полгода? Но это слишком много, Анатолий Павлович. Как мы это спишем? — Дарья удивлённо посмотрела на начальника станции.

— А мы и не будем списывать. Сомов сам всё спишет, а не спишет… — Тут Нестеров посмотрел на Дарью именно тем взглядом, как когда-то смотрел на её предшественниц.

— Я вас поняла. — Она взяла листок и расписалась под своей фамилией.

— Вот и чудненько. Скажи мне ещё, сколько у нас осталось?

— Нисколько… — испуганно ответила девушка. — Часть я отдала вам, а месячный остаток забрал Сомов, вы сами ему всё подписали.

Нестеров открыл ящик стола и увидел несколько блистеров. «Этого хватит лишь на неделю», — сказал про себя Анатолий Павлович.

— Значит, я сам поеду на «материк», — произнёс он вслух.

— Но вы же никогда не покидали станцию. Никогда! — Испуг на лице девушки сменился удивлением.

— Можете быть свободна, — коротко ответил Нестеров.

Девушка молча ушла, прямиком в жилой блок, легла на свою кровать и расплакалась.

Анатолий Павлович обратил внимание на раздутый карман пиджака и вспомнил про «чай» Сомова. «Попробуем… что же вы там за фиторастворы употребляете, раз везёте их за тысячи километров». Чайник на столе был достаточно горячим, и он насыпал часть содержи-

мого бумажного свёртка в стакан и залил кипятком. По кабинету мгновенно начал распространяться аромат сладковатой мяты и ещё чего-то южного. Нестеров не мог определить, что это за запах.

— А недурно.

Он уставился на всплывшие, сильно разбухшие листья коричнево-зелёного цвета непонятной формы. Стакан был поднят, и Нестеров сделал несколько глотков. По телу пробежало приятное тепло, в голове появилось чувство светлости и умиротворённости.

— А ты, Сомов, не так прост, как показался на первый взгляд.

Не успев произнести это вслух, он услышал стук в дверь кабинета.

— Входите, — торжественно и неожиданно для самого себя вымолвил Нестеров, словно не своим голосом и интонацией.

Дверь медленно открылась, словно толкнутая лёгким порывом ветра. На пороге стоял мужчина за сорок в военной форме, фуражка была опущена вниз, и его лица не было видно. Нестеров резко вскочил и одним шагом назад прижал своё тело к стене:

— Товарищ майор, вы?! Но как это возможно?

Человек в проёме не поднимал головы:

— Толя, здесь всё возможно. Ядерная энергия до конца не изучена…

Нестеров затрясся, мелкая дрожь пробивала его тело с головы до ног:

— Но вы… вы… вы упали… туда… вниз… я видел… я видел это точно своими глазами… вы и сейчас там лежите, товарищ майор… вы… там… я… я знаю… я точно знаю…

Нестеров продолжал держать стакан с «чаем» в руке и жадно отпил ещё несколько глотков. Дрожь прошла. Майор поднял голову, и Анатолий Павлович увидел добрую лучезарную улыбку начальника службы безопасности, которого сменил Шаповалов. Внутри стало спокойнее, чувство тревоги и удивления пропало.

— Ты, Толик, я смотрю, так и нервничаешь постоянно, гадость всякую глотаешь.

Нестеров посмотрел на блистеры в отодвинутом ящике стола и задвинул ящик:

— Товарищ майор, я хочу лишь спокойствия — не более — и… порядка.

— Так там, внизу, — майор обернулся и посмотрел назад на люк в центре сферического зала, — там покой и порядок. Я сам смотрю за ним.

— За кем? За ним? — непонимающе ответил Нестеров.

— Как за кем — за реактором, конечно.

Нестеров снова начал нервничать и снова отпил из стакана. Майор на этот раз подошёл к его столу:

— Знаешь, Толя, я всегда хотел тебе сказать: присмотрись к тому, что вокруг тебя, — и ты обретёшь полную гармонию. Вот у меня там полная гармония. Хочешь, сам посмотри? — он протянул руку Нестерову.

Нестеров посмотрел на его ладонь — на руке был сильный ожог, — потом на стакан, который был уже пуст, лишь разбухшие листья на дне.

— Нет, товарищ майор, я как-нибудь потом посмотрю.

Майор улыбнулся в ответ Нестерову, затем развернулся и, пройдя через весь кабинет, вышел в сферический зал. Дверь медленно закрылась за ним. Анатолий Павлович отчётливо слышал, как щелкнула «собачка» дверного замка.

Перед глазами Нестерова возникла красная кнопка вызова охранника с вахты. В голове была лишь одна мысль: «Что это было?» Он нажал кнопку, и не прошло и минуты, как в кабинет забежал коренастый молодой человек в полевой форме:

— Анатолий Павлович, что случилось?

Нестеров отпустил кнопку, поставил стакан подальше от себя на самый край стола:

— Мониторы. Вы следите за ними? Следите? За сферическим залом, где главный люк?

— Конечно, — ответил вахтёр.

— Что вы наблюдали на них последние десять минут?

— Ничего. Каменные стены, ваша дверь и вторая дверь наверх, на лестницу. А что?

Нестеров уже не отдавал себе отчёта, что он спрашивает:

— А майор! Он только что заходил сюда, только что!

Вахтёр обернулся назад, затем посмотрел на Нестерова:

— Товарищ майор в реакторе. И вы, и все знают, что произошло, Анатолий Павлович. Вам надо отдохнуть. С вами всё в порядке?

Молодой человек реально не понимал, с чего Нестеров вдруг вспомнил о смерти начальника службы безопасности Маяка, о том несчастном случае, который произошёл больше года назад.

— Да, мне надо отдохнуть. Определённо… Можете идти. Всё нормально.

Вахтёр пожал плечами и быстро удалился. Нестеров взял кружку с края стола, посмотрел сквозь свет ламп внутрь стакана:

— Что же это такое, что тебе прислали, Сомов? Что это…

Произнеся это, он аккуратно свернул бумажный лист с «чаем», открыл сейф под столом и положил на верхнюю полку, сверху папок с надписью «Совершенно секретно» и значком радиационной опасности.

Ещё через минуту ему снова послышались шаги за дверью. Он поспешил открыть входную дверь, но за порогом никого не оказалось. Хотя шаги были отчётливы, и по звуку наборных каблуков хромовых офицерских сапог он точно знал: это шаги майора.

Глава 15. Матрицы

Не лаврами украшен знаний путь,
А прахом тех, кого уж не вернуть.
Марк Аврелий

Полная готовность к предстоящему эксперименту вызывала чувство полного спокойствия в душе Ивана Сергеевича. Всё оборудование лаборатории было неоднократно проверено и не вызывало никаких нареканий. Саша Волков хорошо сработался с Мариной — они неразлучно делали всё вместе.

Иван Сергеевич, конечно же, заметил, что между ними происходит то, о чём мечтают многие люди. Работе это не мешало. Скрывать свои отношения они не стремились, да и это никем не обсуждалось. На станции у всех хватало своих забот и обязанностей. Однообразие монотонных дней было разбавлено прекрасным появлением молодой пары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.